

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 305-ЭС25-4071

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

г. Москва

Дело № А40-4841/2024

14 августа 2025 г.

Резолютивная часть определения объявлена 31 июля 2025 г.

Полный текст определения изготовлен 14 августа 2025 г.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в составе председательствующего судьи Попова В.В., судей Чучуновой Н.С., Хатыповой Р.А.,

при участии в открытом судебном заседании представителей общества с ограниченной ответственностью «Строникум» (далее – Общество) Ариффулина А.А. (доверенность от 9 января 2025 г.), Рохлина А.А. (доверенность от 30 июля 2025 г.), Гусева М.В., Карповой Ю.А. (доверенности от 11 марта 2025 г.), общества с ограниченной ответственностью «Компания Эдустронг» (далее – Компания) Ушакова Ю.А., Ушаковой А.Ю. (доверенность от 1 октября 2024 г.),

рассмотрела кассационную жалобу Общества на решение Арбитражного суда города Москвы от 28 мая 2024 г., постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 сентября 2024 г. и постановление Суда по интеллектуальным правам от 17 февраля 2025 г. по делу № А40-4841/2024.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Хатыповой Р.А., выслушав объяснения представителей сторон, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Компания обратилась в Арбитражный суд города Москвы с иском, уточненным в порядке статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса

Российской Федерации (далее – АПК РФ), к Обществу о взыскании за незаконное использование товарных знаков 368 280 925 руб. 44 коп. компенсации за период с 17 декабря 2019 г. по 31 декабря 2020 г.

Суд первой инстанции решением от 28 мая 2024 г., оставленным без изменения постановлениями апелляционного суда от 16 сентября 2024 г. и суда кассационной инстанции от 17 февраля 2025 г., взыскал с Общества в пользу Компании 184 140 462 руб. 72 коп. компенсации, в остальной части иска отказал.

В кассационной жалобе и дополнении к ней, поданным в Верховный Суд Российской Федерации, Общество, ссылаясь на существенное нарушение судами норм материального и процессуального права, просит отменить состоявшиеся по делу судебные акты и направить дело на новое рассмотрение.

Определением от 30 июня 2025 г. судьи Верховного Суда Российской Федерации Хатыповой Р.А. кассационная жалоба Общества вместе с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Компания в отзыве и объяснениях просит отказать в удовлетворении жалобы, считая обжалуемые судебные акты законными и обоснованными.

В судебном заседании представители Общества поддержали доводы жалобы, представители Компании возражали против ее удовлетворения.

Обсудив доводы кассационной жалобы и отзыва на нее, Судебная коллегия пришла к выводу о наличии предусмотренных частью 1 статьи 291¹¹ АПК РФ оснований для отмены обжалуемых судебных актов.

Как следует из материалов дела, 17 июля 2019 г. между Компанией (правообладатель) и Обществом (приобретатель) был заключен договор об отчуждении исключительных прав на товарные знаки по свидетельствам Российской Федерации № 539485, 289697, 489392, 293627, 501097 (далее – товарные знаки), зарегистрированный в Федеральной службе по интеллектуальной собственности (далее – Роспатент) 17 декабря 2019 г. за № РД0320163 (далее – договор).

Решением от 23 декабря 2022 г. по делу № А40-249145/2020 Арбитражный суд города Москвы признал договор недействительным и обязал Общество возвратить Компании исключительные права на товарные знаки.

В обоснование требования о взыскании компенсации Компания указала, что ответчик, сославшись на объем выручки продукции с использованием товарных знаков в 2019-2020 г., не отрицает факт нарушения исключительных прав правообладателя названных средств индивидуализации.

Ответчик иск не признал, заявил о применении исковой давности.

Удовлетворяя иск в части, суд первой инстанции руководствовался статьями 167, 195, 196, 199, 200, 1229, 1233, 1250, 1252, 1484, 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – Гражданский кодекс), разъяснениями, содержащимися в пункте 62 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление Пленума № 10), и исходил из доказанности факта

вменяемого ответчику нарушения, снизив размер подлежащей взысканию компенсации до 184 140 462 руб. 72 коп.

При этом суд заключил, что при подаче искового заявления по настоящему делу срок исковой давности Компанией был соблюден.

Суды апелляционной и кассационной инстанции поддержали данные выводы.

Между тем суды не учли следующее.

Согласно статье 195 Гражданского кодекса судебная защита нарушенных гражданских прав гарантируется в пределах срока исковой давности.

Истечение срока исковой давности является самостоятельным основанием для отказа в иске (абзац 2 пункта 2 статьи 199 Гражданского кодекса). Если будет установлено, что сторона по делу пропустила срок исковой давности, то при наличии заявления надлежащего лица об истечении срока исковой давности суд вправе отказать в удовлетворении требования только по этим мотивам, без исследования иных обстоятельств дела (пункт 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» (далее – постановление Пленума № 43).

На основании пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права, если законом не установлено иное.

Поскольку срок исковой давности установлен для судебной защиты права лица, то по общему правилу этот срок начинает исчисляться не ранее того момента, когда соответствующее право объективно было нарушено. При исчислении трехлетнего срока исковой давности также учитывается, знал или должен был знать истец о допущенном нарушении, то есть возможность его субъективного знания о фактах, порождающих требование к ответчику.

Следовательно, исчисление срока исковой давности по заявленному требованию может быть поставлено в зависимость от даты вступления в законную силу решения суда от 23 декабря 2022 г. по делу № А40-249145/2020, оставленного без изменения постановлением апелляционного суда от 16 мая 2023 г., лишь при условии, что вынесение соответствующих судебных актов обусловило осведомленность Компании о незаконном использовании товарных знаков Обществом.

При этом именно сторона, заявившая о применении исковой давности, несет бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих об истечении срока исковой давности, о чем разъяснено в пункте 10 постановления Пленума № 43.

Заслуживают внимания доводы ответчика в пользу того, что истец мог достоверно узнать о наличии оснований для предъявления иска о взыскании компенсации по делу № А40-4841/2024 до 16 мая 2023 г.

Обращаясь с заявлением о признании недействительным договора и ссылаясь впоследствии на необходимость привлечения Общества к

ответственности в виде выплаты компенсации за использование товарных знаков, Компания действовала в защиту одного и того же интереса – исключительных прав на средства индивидуализации, а потому, получив сведения о наличии пороков договора, истец с этого же дня должен был осознать факт нарушения ответчиком исключительных прав на товарные знаки.

Очевидно, что подаче в суд 16 декабря 2020 г. иска в рамках дела № А40-249145/2020 предшествовала его подготовка по мотивам несогласия с регистрацией перехода исключительного права на товарные знаки. Запись о том, что Компания утратила статус правообладателя принадлежащих ей средств индивидуализации на основании договора с Обществом, опубликована 17 декабря 2019 г. в открытых реестрах Роспатента, размещенных в сети Интернет и находящихся в общем доступе. Таким образом, с этого же дня истец мог считаться получившим сведения как о нарушении своего права, так и о личности ответчика.

В рассматриваемом случае судами не установлено обстоятельств, препятствующих ознакомлению Компании 17 декабря 2019 г. с выбытием ранее учтенных на балансе нематериальных активов, как и не исследованы доводы ответчика о том, что такая осведомленность не могла наступить позже сдачи 16 марта 2020 г. бухгалтерской отчетности за 2019 г., из которой следовало отсутствие у истца исключительных прав на товарные знаки.

Сам факт инициирования Компанией судебного процесса о восстановлении нарушенного права указывает на то, что истец значительно раньше владел информацией о посягательствах ответчика и предпринимал меры по их устранению.

Поэтому в отсутствие полной и всесторонней оценки доводов Общества применительно к тому, что истец и до ознакомления с договором 11 февраля 2021 г. в ходе судебного заседания по делу № А40-249145/2020 приводил конкретные мотивы его недействительности, называл негативные последствия, вызванные отчуждением исключительных прав на товарные знаки, ввиду их возможного использования ответчиком, констатация факта предъявления иска Компанией в пределах срока исковой давности является преждевременной.

По смыслу статьи 195 Гражданского кодекса объектом исковой давности, то есть тем, на что направлено ее действие, является правомочие на судебную защиту. Системное толкование положений статей 4, 41, 49, 65, 125 АПК РФ позволяет сделать вывод, что истец, обращаясь в суд, описывает субъективное видение фактических обстоятельств, положенных в основу заявленных требований. Действующее законодательство не закрепляет того, что обоснованность позиции стороны спора, в том числе относительно момента, когда истец узнал или должен был узнать о нарушении охраняемого законом интереса, необходимо подтвердить доказательствами определенной формы.

В связи с этим видится неверным определение данного момента исходя из даты принятия постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 мая 2023 г. по делу № А40-249145/2020 без учета раскрытых перед судом сведений о выявлении Компанией 2 марта 2021 г. в ходе контрольной закупки продажи Обществом контрафактных изделий и установлении 29 июня 2021 г.

периода и предполагаемых минимальных объемов распространения ответчиком продукции, содержащей товарные знаки, а также других доводов ответчика об исчислении срока исковой давности. Такой подход противоречит соблюдению основных процессуальных гарантий реализации участниками гражданского оборота права на судебную защиту, а также норме статьи 200 Гражданского кодекса, не связывающей течение срока исковой давности с правовой квалификацией судом осведомленности истца о нарушении и нарушителе в качестве отрицательного (несуществовавшего) или положительного (существовавшего) факта, который должен быть доказан исключительно вступившим в законную силу судебным актом.

Моменты получения истцом информации об определенных действиях ответчика (в частности, о заключении недействительного договора) и о нарушении этими действиями прав истца могут не совпадать. При таком несовпадении исковая давность исчисляется со дня, когда истцу стало известно о негативных для него последствиях, вызванных поведением нарушителя.

Само по себе приобретение исключительных прав на товарные знаки без реального их использования ответчиком в целях индивидуализации товаров и услуг при осуществлении собственной хозяйственной деятельности не создает предпосылок для взыскания компенсации.

При той степени добросовестности и осмотрительности, какая требуется от любого участника гражданского оборота, истцу, узнавшему о нарушении исключительного права, следовало проанализировать эффект присутствия на товарном рынке недобросовестного участника и его влияние на перераспределение спроса, снижение доходов правообладателя.

Согласно разъяснениям, изложенным в пунктах 14 и 17 постановления Пленума № 43, в соответствии со статьей 199, 200 Гражданского кодекса увеличение истцом размера исковых требований до принятия судом решения не изменяет наступивший в связи с предъявлением иска в установленном порядке момент, с которого исковая давность перестает течь.

В этой связи довод истца о том, что до получения сведений о точном размере компенсации отсчет срока исковой давности не производится, является необоснованным.

Суды безосновательно полагали, что последовательность споров (об оспаривании договора и о взыскании компенсации) влияет на начало течения срока исковой давности. Если для удовлетворения иска по второму делу необходимо решение по первому делу, то рассмотрение первого спора не приостанавливает давность по второму, поскольку истец имеет возможность подать иск о взыскании компенсации и заявить ходатайство о его приостановлении до рассмотрения заявления о недействительности договора. Иных обстоятельств, свидетельствующих о лишении Компании возможности прибегнуть к предусмотренному законом компенсаторному механизму защиты до завершения производства по делу № А40-249145/2020, судами не выявлено.

Вывод судов о том, что истец не мог считаться лицом, права которого нарушены, до вступления в силу судебного акта о признании договора недействительным, также ошибочен.

По общему правилу, предусмотренному в пункте 1 статьи 167 Гражданского кодекса, недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, и недействительна с момента ее совершения.

Положения пункта 1 статьи 167 Гражданского кодекса о ретроактивности недействительности в равной мере применяются как к оспоримым, так и к ничтожным сделкам.

Таким образом, после оспаривания сделки и признания ее недействительной с момента совершения считается, что Компания не утрачивала статус правообладателя.

При таком положении Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации считает, что выводы судов, касающиеся разрешения заявления ответчика о применении исковой давности, основаны на неправильном применении и толковании норм материального права, а также разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума № 43.

Исходя из положений пункта 1 статьи 1250 Гражданского кодекса интеллектуальные права защищаются способами, предусмотренными данным Кодексом, с учетом существа нарушенного права и последствий нарушения этого права.

Как установлено судами и следует из материалов дела, истец заявил о взыскании компенсации в размере 368 280 925 руб. 44 коп., рассчитанной на основании подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса, исходя из минимального расчета объема выручки продукции с размещенными товарными знаками за период с 17 декабря 2019 г. по 31 декабря 2020 г., которая составляет 184 140 462 руб. 72 коп. без учета НДС.

Согласно пункту 3 статьи 1252 Гражданского кодекса компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения, а размер компенсации определяется судом в пределах, установленных Кодексом, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости.

Как разъяснено в абзаце 2 пункта 61 постановления Пленума № 10, заявляя требование о взыскании компенсации в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров (товаров), истец должен представить расчет и обоснование взыскиваемой суммы, а также документы, подтверждающие количество экземпляров (товаров) и их цену.

Если правообладателем заявлено требование о выплате компенсации в двукратном размере стоимости контрафактных экземпляров (товаров), то при определении размера компенсации за основу следует принимать ту стоимость этих экземпляров (товаров), по которой они фактически продаются или предлагаются к продаже третьим лицам (абзац 6 пункта 61 постановления Пленума № 10).

В пункте 62 постановления Пленума № 10 отмечено: рассматривая дела о взыскании компенсации, суд определяет размер подлежащей взысканию компенсации и принимает решение (статья 168 АПК РФ), учитывая, что истец представляет доказательства, обосновывающие размер компенсации (пункт 3

части 1 статьи 126 АПК РФ), а ответчик вправе оспорить как факт нарушения, так и размер требуемой истцом компенсации (пункт 3 части 5 статьи 131 АПК РФ). Размер подлежащей взысканию компенсации должен быть судом обоснован.

Из текста обжалуемых судебных актов явно усматривается, что принятие расчета истца в качестве достоверного и достаточного доказательства должным образом не мотивировано. Имеется противоречие при упоминании в качестве выручки от реализации контрафактных изделий 137 613 377 руб. 26 коп. согласно выписке из бухгалтерского учета от 26 марта 2020 г. № 03/03-21, и 184 140 462 руб. 72 коп., документарное обоснование которых давал истец в отрыве от названной выписки. Расчет Компании основан на том, что Общество признало требования в части 91 850 888 руб. 54 коп. и неправомерно не включило в стоимость продукции, маркированной товарными знаками, 92 289 574 руб. 18 коп. В ответ на соответствующий довод суды не проверили, что на приведенные суммы приходится именно доход от продажи индивидуализируемой товарными знаками продукции.

Институт компенсации введен в гражданское законодательство в том числе потому, что, обнаружив нарушение своих прав, правообладатель, как правило, не обладает точными знаниями об объеме допускаемого нарушения, доказательства которого находятся у ответчика. В соответствии со статьей 70 АПК РФ, если ответчик не опровергает позицию истца, суд вправе удовлетворить заявленные требования в полном объеме.

Между тем в рамках настоящего дела Компания и Общество занимали взаимоисключающие позиции, соглашения по обстоятельствам, не требующим дальнейшего доказывания, достигнуто не было. В таком случае судам надлежало отразить в судебном акте результат оценки доказательств, на которые ссылались стороны спора, что сделано не было.

Суды отдали предпочтение одним доказательствам перед другими без надлежащего анализа того, какие первичные документы либо иные документально подтвержденные сведения формируют расчет истца и контррасчет ответчика.

Отсутствие выводов в отношении мотивов принятия либо отклонения доводов сторон спора не позволяет установить, каким образом произведен расчет стоимости контрафактной продукции, и как следствие, согласиться с вмененным размером компенсации за нарушение исключительных прав на товарные знаки.

Следовательно, взыскание компенсации в отсутствие надлежащего обоснования ее размера, а также достоверных доказательств, подтверждающих количество экземпляров (товаров), на которых размещены товарные знаки, и их стоимость, противоречит положениям статей 1250, 1252, 1515 Гражданского кодекса, разъяснениям, приведенным в постановлении Пленума № 10.

Таким образом, суды не учли приведенные выше нормы права и правовые подходы, выводы судов сделаны при неполном выяснении юридически значимых и подлежащих установлению обстоятельств.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации считает, что суды допустили существенные нарушения норм материального и процессуального права, повлиявшие на исход дела и без устранения которых невозможна защита нарушенных прав и законных интересов заявителя, в связи с чем обжалуемые судебные акты на основании части 1 статьи 291¹¹ АПК РФ подлежат отмене, а дело - направлению на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При новом рассмотрении дела суду надлежит учесть изложенное, исследовать все обстоятельства, имеющие значение для разрешения спора, правильно применив нормы материального и процессуального права, вынести законное и обоснованное решение.

Руководствуясь статьями 176, 291¹¹ - 291¹⁵ АПК РФ, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

О П Р Е Д Е Л И Л А:

решение Арбитражного суда города Москвы от 28 мая 2024 г., постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 16 сентября 2024 г. и постановление Суда по интеллектуальным правам от 17 февраля 2025 г. по делу № А40-4841/2024 отменить.

Дело № А40-4841/2024 направить на новое рассмотрение в Арбитражный суд города Москвы.

Отменить приостановление исполнения решения Арбитражного суда города Москвы от 28 мая 2024 г. по делу № А40-4841/2024, введенное определением Верховного Суда Российской Федерации от 14 мая 2025 г.

Председательствующий судья

Попов В.В.

Судья

Хатыпова Р.А.

Судья

Чучунова Н.С.